

Всегда в строю!

(К десятилетию со дня смерти Николая Островского)

Когда я думаю о Николае Островском, я почему-то всегда вспоминаю Сергея Мироновича Кирова — пламенного трибуна большевизма. Кажется мне, что в Николае Островском было что-то от Сергея Мироновича: партийная страстность, несокрушимая воля к преодолению любых трудностей, неиссякаемая энергия и бурная жизнерадостность. Жить и побеждать. Жить не в одиночку, а с народом, для народа — в труде и борьбе за высокие идеалы коммунизма.

Неоднократно раненый и контуженный, перенесший тяжелые заболевания, Островский все время беспокоится лишь об одном — не слишком ли малую пользу приносит он партии? И когда, скованный трагическим недугом, получает предложение выйти на пенсию, поднимает «бунт».

— Вы не можете оторвать меня от работы, — говорит он секретарю ЦБ ЛЕСМУ, — мне всего 24 года и я не могу доживать свой век с книжечкой инвалида труда, скитаться по лечебницам, зная, что это ни к чему. Вы должны мне дать работу, подходящую для моих условий. Я могу работать на дому или жить где-нибудь в учреждении...

И он продолжал работать даже тогда, когда, разбитый параличом, слепой, лежал почти без движения. Он писал повесть. И какую повесть! Его голос прозвучал на всю страну, на весь мир. Миллионы людей с восхищением читали (и читают, и будут читать) о том, как закалялась большевистская сталь.

Герой повести Павка Корчагин стал кумиром советской молодежи. У него наши юноши и девушки учатся любить

□ □

родину, ему подражают в храбрости, стойкости, самоотверженности. И не удивительно, что с каждым годом у Николая Островского становится все больше читателей. Небольшая его книжечка выдержала десятки изданий почти на всех языках мира.

Художественное произведение проверяется временем. В истории литературы было не мало примеров, когда произве-

дение того или иного писателя врывалось в общество шумно, многогласно. Но пролетит оно, как метеор, и потухнет. И никто из читателей о такой книге не вспомнит.

Со дня выхода в свет книги Николая Островского «Как закалялась сталь» прошло больше десяти лет. В наше время, богатое крупнейшими историческими событиями, это не маленький срок. Но общественный интерес к книге не только не снизился, а, наоборот, возрос. В период Великой Отечественной войны книга Островского пользовалась огромной популярностью и в тылу, и на фронте. Она вдохновляла советских людей на борьбу. А вдохновляла и вдохновляет она потому, что в ней отражены особые качества нового советского человека. Павел Корчагин не чудо природы. Это рядовой советский человек. И его поведение, его поступки являются как бы нормой общественного поведения всех советских людей. Его личные интересы никогда не расходятся с общественными, и личное счастье он видит в служении обществу.

Павел Корчагин не появился вдруг, сам собой. Он воспитан комсомолом, партией. Лучшие свои качества он заимствовал у старых большевиков — у Жухрая, Токарева, а революционную закалку получил в горниле гражданской войны, в борьбе с врагами ленинско-сталинской партии. И миллионы советских юношей и девушек узнают в Корчагине многие свои черты.

Герой Советского Союза летчик Маресьев в боях с немецкими фашистами потерял обе ноги. Кажется, инвалид полный. Можно было думать, что из госпи-

тали он вернется домой и, встреченный в родных местах как герой, найдет себе применение в мирной жизни. Но он не хотел, не мог уйти от борьбы. Стал на протезы, выучился не только ходить, но и танцевать, и снова попросился за штурвал самолета. Ему долго отказывали, но он добился своего потому, что он из поколения Корчагиных. И безногий летчик бился с врагом до полной победы.

А Зоя Космодемьянская, а Александр Матросов, своим телом закрывший амбразуру вражеского пулемета, разве они не из поколения Корчагиных? А 28 героев-панфиловцев, погибших, но не пропустивших врага, а герои замечательного романа А. Фадеева «Молодая гвардия» — разве они не братья Павки Корчагина?

Теперь, когда книга Николая Островского стала настольной для миллионов людей, становятся особенно понятными его слова, сказанные в ту радостную минуту, когда он получил первый экземпляр книги:

— Вот я и опять в строю! Это же самое главное, быть в строю!

Да, он в строю. Николай Островский до сих пор в строю.

2.

...Тысяча девятьсот сорок третий год, март месяц. Свирепые морозы и метель. Метель такая, как будто зима решила высыпать все, что осталось у нее в запасе... И окопы, занесенные снегом блиндажи. Недалеко по-звериному жестокий враг. Он в Орле. Опутался колючей проволокой, обложился минами, зарылся в землю. Двадцать месяцев стоит на одном месте, стягивая сюда силы.

Пробиваясь через белесую ночную пургу, мы идем на передовую. Лес. Перекресток дорог. В крутящемся вихре снега маячит фонарик. И слабый женский окрик:

— Стой! Кто идет?

Окутанная снегом, стоит на мосту девушка регулировщица. Одна. В такую ночь. Мой спутник майор осветил ее фонариком. Свет упал на руки, в которых автомат. А повыше пояса за полкой полушубка корешок книги.

— Одна? — спрашиваем.

— Одна, — отвечает. И тут же начинает оправдываться:

— Подруга моя заболела, с час тому назад ушла.

— Да ведь страшно одной-то, — не удержался я.

При тусклом свете фонарика я разглядел ее лицо. Совсем еще девочка. И мне показалось, что она сейчас же начнет жаловаться — и на стужу, и на то, что одна. Но она встряхнула головой и, улыбаясь, ответила неожиданно:

— Павка Корчагин никогда не боялся!

— Так это у вас книга Николая Островского, — догадался я. — Где же вы ее читаете — вот тут?

— Что вы! До чтения ли тут? В свободное время читаем. Это я у подруги взяла, чтобы передать одному бойцу, — и девушка обратилась к майору.

— Товарищ майор, вы на передовую? Может, передадите книгу бойцу Саше Рублеву. Очень просил.

— С удовольствием, — ответил майор, принимая книгу. — Сашу Рублева я хорошо знаю.

А я в эту минуту подумал:

— Да, Николай Островский в строю.

3.

Вот и передовая. Над «ничейной» землей немцы то и дело бросают ракеты. Но в пурге они не светят, а лишь мерцают. Мы вошли в блиндаж. Тут тепло, светло и даже уютно. Послали за Рублевым. Он пришел вскоре — совсем еще юный: на подбородке виден золотистый пушок.

Взяв из рук майора книгу, он спросил:

— Кто это прислал, товарищ майор? Нина?

— Она.

Солдат любовно погладил книгу, страхиная с нее снег, и заговорил как бы про себя:

— Перечитать хочу. В школе читал. Теперь снова все увлеклись, и я хочу перечитать.

— А что же вам нравится в этой книге? — спрашиваю я.

— Островский.

— Ну, Островский, это автор, а в книге что нравится?

— Павел Корчагин, ясно.

Рублев подумал, и глаза у него вдруг загорелись:

— Ведь это такой человек, такой человек! Для него нет преград. Находчивый. Умный. И вот когда читаешь про него, сам как-то сильнее становишься.

— Да, — снова подумал я, — Николай Островский в строю. И не только тут, на фронте, но и там — в тылу. Я видел, как его книгу читали на заводах Урала, в Поволжье, в Москве.

Совсем недавно в одной из воинских частей под Москвой я снова столкнулся с Сашей Рублевым. За войну он заметно возмужал и посуровел. На гимнастерке колодочки двух орденов и трех медалей. Встретился я с ним на избирательном участке, около столика с книгами. Поздоровались, и Саша с улыбкой кивнул на столик:

— Опять Николай Островский. И тут он нам помогает.

Да, и тут Николай Островский в строю. Везде и всюду — в колхозах, на фабриках, заводах, в учреждениях. И в этом величайшее значение книги «Как закалялась сталь». За это мы ценим и любим великого оптимиста-большевика Николая Островского.

Федор ПАНФЕРОВ.

Т Р У Д

22 ДЕК 46